

— Ты поступил на курс Кирилла Серебренникова, когда тебе было уже 30 лет?

— Это неправда. Мне сейчас 32 года, не знаю, откуда информация, что мне 40.

— А про Пермь правда?

— Да, я с Урала. 200 км от Перми, поселок Майский. Условия суровые. Там был выбор: ты либо пьешь, либо куда-то уезжаешь. Я рос с пацанами, но при этом большая часть меня стремилась к искусству. По первому образованию я художник, параллельно занимался русскими народными танцами, был солистом балетной труппы, потом солистом-трюкачом. Может, это все и привело к тому, что теперь я могу сыграть и Бродского, и фэсбэшника Валеру.

— Когда ты уходил из «Гоголь-центра», кто-то обиделся или тебя поняли и обняли?

— Я думаю, что сначала обиделись, а потом поняли и обняли.

— Иосиф Бродский в мировом масштабе популярнее Сергея Довлатова. Наверняка европейский зритель будет выделять именно Бродского и актера, который его сыграл. Есть ли у тебя в связи с этим какие-то ожидания?

— Очевидно, что фильм о Довлатове. Даже странно, почему меня так дергают. Это без кокетства.

— Алексей Герман объяснял, каким он хочет видеть Бродского? Как шла работа над ролью?

— Мы совместно пришли к этому. Был вопрос, оставлять ли эту природную особенность или интерпретировать. Алексей попросил оставить.

— Мне показалось, твой Бродский — в изрядной степени Высоцкий. Такой брутал с нежным сердцем, что не совсем соответствует действительности.

— У него был очень мощный жесткий стержень внутри. Мне хотелось показать именно эту сторону личности Бродского.

— Есть ли у тебя какое-то отношение к тому времени, в которое Бродский жил еще в Союзе?

— Как и всегда, времена были непростые. Конечно, оттепель повлияла, дала какое-то дыхание. Можно то время соотнести с сегодняшним. Всегда так было в России, были такие скачки. Я не хочу сказать, что сейчас оттепель, но есть ощущение, что грядет какое-то потепление. Лучшее, конечно, впереди.

БЕСЕДОВАЛА ЕВГЕНИЯ МИЛОВА

КОСТЮМ, РУБАШКА, ГАЛСТУК
ERMEGILDO ZEGNA

— А сейчас ты играешь в театре?

— Сейчас нет.

— Многие актеры говорят, что без театра не могут жить, у тебя не так?

— Я очень много работал сразу после выпуска, когда появился «Гоголь-центр». Нужно было набивать репертуар и поднимать театр с колен. Я был задействован практически в каждом спектакле. В тот момент еще сюда переехали мама с сестрой, приходилось зарабатывать. Мне выпала доля тянуть семью, что невозможно на зарплату в театре. Пришлось выбирать. Но делать работу, материал которой никак не откликается во мне, я не буду. Во всяком случае, я так себя воспитываю: не ориентироваться на заработок, а в первую очередь думать о качестве.

— У Алексея было свое видение Бродского в рамках сценария. Оно более жесткое, более животное. Он все время говорил: «Не играй поэта, мне не нужен памятник. Играй человека в первую очередь». Алексей понимал, что у меня уже есть опыт, и ориентировался на это. У меня с самого начала было ощущение, что это разные работы. Например, разница в возрасте. Это совсем другое время: меньше года до эмиграции. Бродский к тому моменту уже прошел заключение и психушку, у него родился сын. В сериале показывали время перед ссылкой, а здесь он уже более крепкий.

— А кому из вас казалось важным, чтобы Бродский картавил?

Фотограф: Иван Кайдаш
Стилист: Екатерина Павелко
Продюсер: Любовь Неверовская